

Н.Т. Абрамова

Коммуникация. Непроизвольный тип коммуникации*

Исходный, первоначальный смысл коммуникации (от лат. *communicatio, communico*) делаю общим, связываю, общаюсь. Коммуникация относится, прежде всего, к языковым актам, строится на отношениях между «Я» и «Иным», но может иметь и вне-речевые формы. Но нас интересует не чисто лингвистический аспект, а более широкое понимание коммуникации. Мы попытаемся показать, что наряду с пониманием коммуникации как сообщение и коммуникации как интенции может быть выделен также тип, названный нами «непроизвольная (неосознаваемая) коммуникация». Для этого мы вначале покажем, в лоне каких философских учений формировался исходный концепт, а затем идеи, концепции, принципы, послужившие основоположениями представлений о непроизвольной коммуникации.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, научно-исследовательский проект «Идея подобия: истоки регулярности поисков подобия», грант № 11-03-00791а.

1. Линии изучения коммуникации: от понимания скрытых связей до формального видения

Коммуникативное измерение отношений «Я» и «Иной» является одним из главных в понимании связи человека и мира. Многие философские учения и концепции пытались обосновать природу, смысл этой связи, исходя, соответственно, из своих исходных установок. Наиболее значительные результаты, заложившие основание в понимание смысла коммуникации, были получены в результате противостояния лингвистических идей о «смысле» и «факте», о «логике» и «языке». Противостоящими друг другу оказались феноменологическое и формально-лингвистическое понимание коммуникации. В центре обсуждения стоял вопрос: сводится ли речевой акт к установлению истинности транслируемой информации, или же предполагает интенционально – нерелексивные отношения. Различие исходных установок теоретиков формальной семантики (аналитическая лингвистика) и теоретиков феноменологии предопределило разную трактовку, разный смысл коммуникации и коммуникативности. В учении формальной семантики базисное место занимает идея о «факте» и истинности. В языке они видят средство адекватного (истинностного) выражения действительности; естественный язык прямо связан с действительностью; значение предложений, согласно такому взгляду, детерминировано семантическими и синтаксическими правилами, не имеющими никакого отношения к интенции и коммуникации, а определяются совсем иным параметром – условиями истинности. Отсюда недооценка формальной семантикой коммуникативной стороны естественного языка в целом: коммуникативность толковалась как сообщение, сводилась к формальной трансляции информации.

Феноменологический взгляд на коммуникацию принципиально иной. Для Э.Гуссерля и А.Ф.Лосева естественный язык опосредован чистым смыслом (эйдетический уровень сознания), имеет непрямой выход на действительность¹. Коммуникация трактовалась как интенция, ей придавался смысл базовой составляющей значения. Коммуникация-интенция, согласно Гуссерлю, детерми-

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. § 93. М., 1999; Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.

нирует саму природу языка, определяет сущностные свойства языка, формы становления и протекания языкового смысла. Отсюда и иное понимание коммуникации, которая трактуется как общение, а не формальное сообщение. Говорящий и слушающий уточняют смыслы – интенции, которые содержатся в речи, часто имеющей не прямой характер. Ибо «Я» языкового сознания, подчеркивает Гуссерль, не обладает абсолютной собственностью на свои языковые акты. Языковые формы являются для него имплантированными формами «дружести» (чужих я, ты, мы, они, все и т. д.), в процессе говорения возможно использование одновременно нескольких частных источников исхождения смысла, чередующихся, налагающихся, инсценирующих друг друга и т. д.²

О том, что трактовка коммуникация может получать разное значение, мы убеждаемся, обратившись к концепции К.Ясперса, которого называют философом коммуникации. Родоначальник экзистенциализма, исходя их мысли, что человек изначально не может существовать как отдельный индивид, придает коммуникации как общению личностный смысл. Для него коммуникация – это не средство трансляции истины, но способ ее обретения, способ человеческого бытия с другим. Общение, в трактовке автора, – это отношение одной экзистенции к другой экзистенции. Представление об экзистенциальной коммуникации Ясперс вводит, рассматривая душевный уровень бытия «Я – человека» – уровень наиболее глубоких и интимных сторон души³.

1.2. Социальная коммуникация: целерациональный и нецелевой подходы

Коммуникация обретает иное смысловое обличие при смещение интереса в сторону социальных реалий. В этой сфере философского знания противостояли целерациональный и нецелевой подходы в понимании социальной коммуникации. Сильное «концептуальное давление на трактовку коммуникации оказала концепция Вебера о социальном действии индивида или группы действующих индивидов, придающих своим действиям субъективный

² Тонкий анализ этой проблемы дан: *Гоготшвили Л.А.* Непрямое говорение. М., 2006.

³ *Jaspers K.* Vernunft und Existenz. Groningen, 1935.

смысл⁴. Понимание действия как целерационального легло в основание концепции Ю.Хабермаса, с точки зрения которого значимой целью являются взаимопонимание, согласие действующих индивидов, их консенсус. В зависимости от наличия/отсутствия этих критериев судят о наличии/отсутствии коммуникативности. Мысль Хабермаса в его концепции о коммуникативном действии смещается в область изучения коммуникативного сообщества, оставляя без внимания автономного чистого субъекта. Достичь взаимопонимания субъекты могут посредством обдумывания, убеждающего аргументирования, анализа мотивов, намерений, ожиданий. Отсюда вытекает столь пристальное внимание к теме дискурса; Хабермаса интересуют не одни лишь активность и суверенность действующих субъектов – личностей, но и интеракции, интересубъективность⁵. Суть коммуникативного действия – в необходимости, даже неизбежности для действующих индивидов самим находить и применять рациональные основания, способные убедить других субъектов и склонить их к согласию с целью осознания угроз и опасностей современной эпохи. Универсальная прагматика должна служить для диагностирования и лечения общественной патологии в сфере общественной коммуникации⁶.

Социологическому видению коммуникации, построенному на внешне – видимых, и часто формальных критериях социальной жизни, противостоит понимание коммуникации, основанное на скрытых аспектах поведения. Такой взгляд на коммуникацию присущ таким философским концепциям, как символический интеракционализм и этнометодология. Под скрытыми источниками эти учения имели в виду психологические аспекты поведения, а

⁴ Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.

⁵ Но возможна ли интересубъективность, предполагающая достижение адекватного понимания одним субъектом другого субъекта? Чтобы обеспечить возможность недеформируемой трансляции того, что понял один субъект, и то, что понятно другому субъекту, чтобы не связывать с интересубъективностью случайно возникшего взаимопонимания, развитой интуиции постижения другого, субъективной уверенности в понимании и т. п. А.М.Анисов считает, что интересубъективными в узком смысле называет логические операции, обеспечивающие объективную возможность однозначного понимания текстов. См.: *Анисов А.М. Логика интересубъективного цитирования // Филос. журн. 2008. № 1.*

⁶ *Хабермас Ю. Зверство и гуманность. Война на границе права и морали // Логос. 1999. № 5(15); Интервью с Ю.Хабермасом // Вопр. философии. 1989. № 9.*

не особенности речевых актов и сознания. Центральным здесь оказался вопрос о наличии в поведении нецелевых действий. Так, Дж.Мид (и его ученик Г.Блумер) развивают идею о том, что человек живет не в одном мире стимулов, но и в мире значений. Такой взгляд предполагает наличие других источников, которые побуждают коммуникативные ответные действия человека. Значимыми для человека являются не только видимые поступки других людей. Существенны и их намерения, а также собственный прошлый опыт в подобных ситуациях, и т. п.⁷ В этнометодологии (Г.Гарфинкель) идея скрытых аспектов поведения получила актуализацию в виде неких правил, которые приняты на веру. К правилам, которые регулируют коммуникативные отношения между людьми, относятся, к примеру, умение сказать что-то уместное при данных обстоятельствах, или промолчать, пошутить или уклониться от насмешки, деликатно прекратить разговор и т. д. Это могут быть и скрытые символы, которые наделены значением, и структурные стереотипы. Такие скрытые регуляторы отношений Я и Другого воздействуют на особенности коммуникации, вне зависимости от того, какое значение они придают им сами. Иными словами, коммуникация – это не только простой обмен информацией между адресатом и адресантом; это не только адекватно – формальный ответ на послание; коммуникация подразумевает и скрытые от глаз интенции.

Рефлексия над скрытыми аспектами поведения человека получила развитие в концепции речевых актов, разработанной в середине 50-х годов XX в. английским философом Дж.Остиным. Новизну идеи, сформулированной Дж.Остиным, принято связывать с тем, что в качестве единицы коммуникации им было принято не предложение или высказывание, а речевой акт. Характерной особенностью структуры речевого акта является, согласно концепции автора, наличие не одного лишь посланного сообщения и ответа, но и определенной смысловой реакции. А именно: любое утвердительное изречение имеет цель не просто донести до адресата определенную информацию: скажем, убедить его, что дела обстоят так-то и так-то; посланное сообщение содержит также надежду получить ожидаемый ответ, что адресат ответит, прореагирует вполне определенным образом. В таком видении речевого акта обнаруживает себя интенциональная направленность речи.

⁷ Mead G.H. *Mind, Self, and Society*. Chicago, 1934.

Созревшее понимание различий между коммуникацией – интенцией, общением и коммуникацией – сообщением, связью стало в теории информации одним из основоположений для различения моделей коммуникации. Усилия разработчиков теории информации были направлены на изучение потоков информации между говорящим и слушающим, на анализ языковых декодирующих устройств и «процессоров», которые перерабатывают и хранят посланную «информацию». Проблема состояла в определении того, как «получатель» воспроизводит посланную ему информацию, каким образом осуществляется при этом преобразование сообщения. В центре внимания разработчиков оказались как информационные потоки, так и коммуникативные отношения между участниками связи.

Представление о кодовой модели коммуникации открывается через анализ информационного потока. Существенную черту кодовой модели составляет отношение симметричности кодирования: говорящий намеренно отправляет слушающему информацию с тем, чтобы сообщение стало общим; эта цель – «разделить» взгляд на сообщение, сделать его общим. Такая цель – общность взгляда – достигается за счет «общего кода». Связь между «Я» и «другим» устанавливается посредством простой трансляции информации. Такой перенос, по сути, является «зеркальным»: и отправитель и получатель являются обладателями тождественной информации. Сообщение (информация) служит тем субстратом, который объединяет субъектов связи. Таким образом, в основе кодовой модели коммуникации лежит представление, во-первых, о зеркальном подобии информации на входе и выходе; во-вторых, трансляция трактуется как механический, чисто внешний перенос информации. В другой – интерференционной модели, коммуникации дается иное смысловое наполнение отношений между участниками коммуникативного акта, иной статус придается транслируемому сообщению. Начнем с основополагающего принципа выводимости знания. Коммуникация всегда предполагает передачу и использование информации. Однако в отличие от кодового варианта трансляция информации не сводится лишь к простой передаче, на передний план здесь выступают отношения корреспондентов. Дело в том, что говорящий, посылая сообщение, заинтересован не только в передаче информации, но и в ответной реакции своего

корреспондента. Говорящему важно, чтобы его намерение, содержащееся в послании, было распознано, а вслед за распознаванием он получил ответ. А это значит, что цель носит более сложный характер, имеет не один уровень, а, по крайней мере, три. На первом уровне имеет место передача сообщения; второй уровень – ожидание ответного сообщения; третий уровень – получение ответа. Ожидание предполагает надежду на возможность интенционального понимания.

Итак, анализ ряда концепций позволили убедиться в том, что философия разными путями продвигалась к обоснованию внешних (формальных) и внутренних (скрытых) связей Я с Другим, Иным, и т. п., к пониманию того, что коммуникативный смысл этих связей может быть различным. В поле нашего рассмотрения находились коммуникативные отношения, которые по своей природе целенаправленны. И любой речевой акт, и любая форма социального поведения, регулируемая соответствующими правилами, содержат в себе цель – установить связь. Вместе с тем между субъектами связи возникают порой отношения, которые формируются произвольно, вне зависимости от их желаний, воли и т. п. Такого рода коммуникативные отношения станут далее предметом нашего рассмотрения.

2. Непроизвольная (нецелевая) коммуникация: средства представления

Итак, приступая к анализу произвольной коммуникации, мы предварительно обозначим наш предмет, как акты взаимосвязи Я и Другого, возникающие без специально организованных действий со стороны участников связи. Чтобы выразить содержание исходного понятия, мы привлечем ряд близких по смыслу концептов и понятий, которые уже получили обоснование в ряде концепций и теорий.

2.1 Наглядный опыт

Идея наглядного опыта сформировалась в учении о прачеловеке и первобытном сознании, развиваемого, прежде всего, в антропологии и этнографии. На основе этих исследований ряд

этнографов, лингвистов, философов и др.⁸ обосновали мысль о том, что у первобытного человека было принципиально иное отношение со своим окружением, нежели у человека европейской культуры. Исследователи обратили внимание, что поведение пра-человека управляется «законом сопряжения», или партиципации. Сопряженная форма связи противоположна дискретной, относительно независимой форме: связи переплетены, органически слитны, сцеплены между собой.

Говоря о законе сопряжения, исследователи имели в виду, что поведение пра-человека строилось по аналогии с тем, что его окружало: все его действия были точно такими же, как и действия других людей, его окружающих: его ощущения были идентичны тем, которые он наблюдал у других: и видел и слышал, и наблюдал пра-человек сходно с другими людьми, с которыми он был связан жизненными обстоятельствами. А это значит, что опыт первобытного человека был основан, во-первых, на прямом вхождении окружающих его предметов в зону его действий; и во-вторых, в ином способе понимания соотношения причины и следствия.

Если в Европейской культуре причина предполагает логическое отношение между вещами, то первобытное сознание, согласно данной концепции, прямо сопрягало, увязывало один предмет с другим (находящимся рядом), как его причиной. Те событиями и те предметы, которые окружают пра-человека, формировали способы восприятия мира и способы общения с окружением. Вхождение окружающих предметов в опыт сформировало понимание причинных отношений: важным было все то, что он осязает, что находится рядом и неотрывно от него, к чему выработалась привычка, что находится «здесь» и «теперь». Такое понимание опыта и связи вещей было противоположно пониманию жизни как следованию правилам, основанным на законах логики.

На основании вывода о том, что первобытный человек иначе видит мир, иначе воспринимает связи между предметами и т. п., что у него сложилась иная форма отношений с окружающими предметами, исследователи традиционной культуры пришли к за-

⁸ См.: *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930; *он же:* Сверхестественное в первобытном мышлении. М., 1937; *Дэвидсон Б.* Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975; *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994; и др.

ключению, что прачеловеку присущ иной тип сознания. Л.Брюль назвал его пралогическим. Действия обладателя такого сознания строятся в соответствии с теми предметами и событиями, которые он наблюдал в ближайшем окружении. Исследователи первобытного общества отмечали, что дологическое мышление адекватно и точно отражает окружение. Исследователи отмечают способность прасознания к высокоточным наблюдениям окружающей их природы, о наличии развитых приспособительных реакций, и др. К вопросу о дологической мыслительной деятельности, о том, что данный тип не является признаком архаичности или неполноценности мы вернемся немного позднее.

Сходную мысль о том, что человеку свойственны мыслительные акты, которые формируются под воздействием окружающих его обстоятельств, высказывает и другой исследователь, далекий в своих научно-философских предпочтениях от изучения жизни первобытных людей. К.Ясперс в концепции о коммуникации исходит из мысли о том, что свои действия люди нередко строят по образу и подобию других людей своего окружения. Такие действия основаны, как подчеркивает К.Ясперс, на наивном сознании. Основная особенность данного типа сознания в том, что оно «не задает вопросов» о своем повседневном бытии. Тех вопросов, которые вносят в сознание разлад и раскол. «В наивном сознании, – отмечает автор, – я делаю все то, что делают другие, верю во все то, во что верят другие, думаю то что думают другие. Мнения, цели, страхи, радости переходят от одного к другому так, что мы даже не замечаем, в силу того, что имеет место первичная, нерелексивная идентификация»⁹. Свое толкование наивного сознания Ясперс соотносит с нерелексивной идентификацией, особенность которой автор связывает с характерным состоянием сознания: сознание человека, отмечает К.Ясперс, в такой ситуации просветлено, но его самосознание закутано плотным покрывалом. Нерелексивные мыслительные акты ориентированы на внешние предметы и внешние обстоятельства. Человек при этом и не входит в обсуждение и обоснование причин и оснований своих действий. Наивное сознание следует за предметом, оно в этом смысле пассивно. К.Ясперс называет наивное сознание «простым евкли-

⁹ *Jaspers K. Vernunft und Existenz. München, 1960. S. 340.*

довым умом». При этом автор различает повседневно-наивную коммуникацию от подлинной коммуникации. Реальной основой повседневной коммуникации людей в сообществе являются действия, сходные с теми, которые имеют место в ближайшем окружении. Но это не значит, что наивное сознание не может быть творческим – искусным, мудрым и т. п., т. е. исследовать свой предмет скрупулезно и точно.

В соответствии со сказанным об особенностях наглядного опыта, который основан на дологическом (наивном) сознании, вытекает, что характер отношений пралюдей – это плод усвоения одних и тех же предметов, одинаково ими понимаемых. Отношения между субъектами связи – первобытными людьми, и еще шире субъектами традиции, порождаются органической взаимосвязью всех условий. Именно порождается, но не конструируется по чьей-то воле. Все непроизвольно возникающее – это продукт усвоения, а не результат, сформированный, созданный по плану, на основе логически продуманных решений. В известном смысле можно согласиться с радикальным конструктивизмом, возводящим идею слитности человека со средой его обитания в принцип экологической связности. Согласно этому принципу, свойства объекта определяются его включенностью в среду обитания, а не внутренними качествами.

Эмоциональные силы

Обозначенное нами понимание непроизвольной коммуникации как отношения, выросшего из ценностно – значимого восприятия на вещи, характеризует не одну лишь повседневную жизнь, но возникают между людьми и в других сферах, в том числе и в науке. Нецелевые (неосознанные) отношения складываются именно между людьми, как актерами науки, сама же наука с ее принципами, законами, теориями и пр., конечно, неотъемлема от поиска истины, обоснований, и др. Рождение непроизвольных отношений складывается из повторения, копирования намерений или действий Другого. Но вовсе не как итог целерационального, спланированного акта. Умножение намерений ведет к появлению действующей силы.

В свое время на таинственность понятия силы, которое используется для описания реального мира и его движения, обратил внимание Джордж Беркли. Критикуя Ньютона, он пишет: «И хотя философ – механист или философ-математик может говорить об абсолютном пространстве, абсолютном движении и о силе, якобы существующей в телах, вызывающей такое движение и пропорциональной ему. Однако люди мыслящие обнаружили, что им трудно, чтобы не сказать невозможно, постигнуть и объяснить, что же из себя представляют эти силы. Которые, как полагают, находятся в телах, запечатлеваются на телах, размножаются, делятся и передаются от одного тела к другому и которые, кажется, оживляют тела, подобно абстрактным духам или душам»¹⁰. Именно «непостижимость», по выражению Беркли, понятия силы привлекла особенное внимание к этому понятию. Непроизвольная коммуникация, порождаемая без прямых целерациональных действий человека, непостижима, если оставаться в рамках Веберовских представлений о природе человеческих действий. Из действующих сил мы рассмотрим эмоционально – ценностные силы, которые лежат в основании научно-практической деятельности, в том числе и в сфере новых технологий.

Приступая к рассмотрению того, как связаны между собой эмоционально-ценностные силы с формированием научных стратегий, зададимся вопросом, можно ли сопоставить по масштабности влияний на максимизацию труда «умную машину» с какими –то иными средствами? Может быть, колесо, электричество? Желание стать обладателем невиданного ранее инструмента познания порождалось теми мощными ценностными импульсами, которые шли непосредственно от самой вещи. Умная машина имела аксиологический знак «благо» вследствие реальной возможности быть средством оптимизации труда и управления в самых разных сферах деятельности. Но наряду с этим следует указать и на другую причину – на «сердечный трепет», который стали испытывать к компьютерному моделированию люди разных профессий: многие захотели «идти в ногу» с прогрессом, многие стали бояться оказаться «в стороне» от инноваций.

¹⁰ Беркли Дж. Соч. М., 1978. С. 474–475.

Обратим внимание, что, говоря о «многих», мы имеем в виду умножение, масштабность увлеченности новым средством оптимизации труда. Расширение пространства наглядного опыта способствовало росту эмоционально-ценностной силы. Материальным выражением умножения такой силы является численный рост идентично желающих оптимизировать свой труд. Именно идентичность желания объединило многих самых разных людей в невидимую когорту. Эти люди никак не были связаны друг с другом: ни профессионально, ни как еще иначе. Их общность выражается в принадлежности к одному и тому же желанию – внедрить новые технологии в свою сферу труда. Сходное желание, вытекающее из наглядного опыта, было неосознанным, нерелексивным. Рожденное неосознанно, желание стало проводником непроизвольной коммуникации, средством продвижения искусственного интеллекта, его неодолимого расширения по социальному пространству.

2.1. Доверие как условие умножения эмоциональной силы

Если непроизвольную коммуникацию отличает отсутствие специально организованной трансляции информации – и прямой и обратной связи и пр., то каким образом появляется общность желания? Поставленный вопрос вынуждает обратить внимание на роль свидетельств, знаний, мнения с чужих слов. Названные свидетельства исходили, прежде всего, от всех тех, кто был разработчиком ИИ, либо тех, кто уже внедрил программные устройства в свою трудовую сферу, либо вторичное знание с чужих слов, и т. п. Существенно, что свидетельство перетекало по глобальному информационному полю «из рук в руки» к «Иным» практически – наглядно. А это значит, что желание и готовность к компьютеризации – это в значительной мере плод влияния среды, точнее, сходного отношения к сходной идее, транслируемой в глобальном информационном пространстве.

Возможность сходных чувств у субъектов разных сфер труда к новым технологиям проистекает из-за доверия к феномену блага, в нашем случае пользы, которую приносит умная машина. Знание, основанное на доверии к «другому»¹¹ является естествен-

¹¹ Контекст нашего обсуждения вопроса о свидетельстве как источнике доверия отличается от обсуждаемого в западной эпистемологии. Как известно, вопрос, может ли свидетельство быть источником знаний обсуждался еще со времен Дж. Локка. Свидетельство, в соответствии с принятым взглядом, при-

но – природным ходом мысли человека. По словам Августина Блаженного, знание, основанное на доверии, имеет своим источником услышанное, увиденное, прочувствованное, и т. п. Иными словами, полученное наглядно. Такой путь познания есть усвоение с помощью «саих предметов и чувств», а не за счет рационального постижения. Разъясняя свое понимание знания – доверия, Бл. Августин, замечает, что доверяют людям, от которых узнают о полезных вещах: «Что я разумею, тому и верю, но не все, чему я верю, то и разумею. Поэтому хотя многих вещей я и не могу знать, однако знаю о пользе в них уверовать»¹². В самом деле, быть полезным – значит, иметь для субъекта известную ценность. Суждение о ценности компьютеризации выражает желание обладать – продвинуть, внедрить искусственный интеллект. Субъекты разных областей деятельности имеют сходный образ мысли и сходный образ действий. А это означает, что сходное внимание к свидетельству (идея компьютеризации), идентичное желание быть причастным к новым технологиям, стремление внедрить умную машину – именно такой ход сердечной мысли и чувства стал проводником коммуникации – интенции.

Уподобление другому – это, с одной стороны, увеличение численности причастников к ИИ, а с другой, умножение желаний действовать – продвигать, внедрять и т. п. Каждый из Я – практиков действует в своей малой сфере, и никак не связан с Иным. Речь, таким образом, идет о совокупности сходных желаний, которая (совокупность) образует особый слой реальности. Это эмоциональная сила, происхождение которой имеет организмическую природу. Эмоционально–ценностная сила стала тем кана-

равнивается к рассуждению, к верованию, либо к знанию с чужих слов, и т. п. Мысль Локка о том, что язык не может дать нам такое знание об объективном мире, положила начало двум разнонаправленным линиям обсуждения: против и за свидетельство как источника знания. Доводы, направленные против свидетельства поставил под сомнение Дж. Л. Остин (См.: *Austin J.L. Logic and Language. Oxf., 1953*). Мысль о доверия словам другого (с логической точки зрения) обсуждают также Витгенштейн, Стросон, Дэвидсон, Прайс и др. Так, согласно Прайсу, в нашей обычной практике мы следуем имплицитному (невысказываемому) принципу: принимай то, что тебе говорят, если у тебя нет причин этому не верить (Price. *Belief. L., 1969.*), и др.

¹² Августин Блаженный. О количестве души // Августин Блаженный. Об истинной религии. Творения. Т. 1. СПб., 1998. С. 304.

лом связи, по которому свидетельство о славных делах умных машин передается от одного к другому. Циркулируя непосредственно, напрямую, свидетельство, основанное на чувстве доверия о полезности новых технологий, привело к неявной консолидации ее участников. Но это не жесткие связи рационально организованного целого. Отношение Я – Мы, сложившееся в общем информационном пространстве, имело характер броуновского, а не целенаправленного движения.

Но для чисто каузального, механистического способа с его стратегией выведения целого из частей не доступно понимание «тайны» целого, рожденного от совокупного соотношения частей. Казалось бы, что проще прямой речи, обращенной прямо и непосредственно к Другому? Однако как показали результаты феноменологических исследований, речевой акт непросто и смысл бывает выражен часто непрямым способом¹³. Как отмечается в концепциях и учениях органицистского и телеологического толка, феномен целого, целостности непостижим для рационального ума. И хотя ум человека апофатичен¹⁴, он (ум), тем не менее, неумолимо стремится ответить на этот вопрос, привлекая для этого разные понятия: эмерджентность – в биологии и теории сознания, реификация – в социологии.

О жесткой зависимости человека от социальной среды, о том, что образ мыслей и действий индивида, его чувства одарены принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним, говорит известный социолог¹⁵. В такой понимании обнаруживает себя номиналистический взгляд на общество. Ныне признается, что общество – это не некая абстракция, а существует реально¹⁶. Мысль об органической связности, об укорененности человека в окружающей его жизни развивает Уайтхед. По мысли ученого, имеет место прямая зависимость поведения человека от среды

¹³ Способами непрямого выражения смысла являются, к примеру, расщепленная, отсроченная, непрямая референция, двуголосие, полифония и др. См.: *Гогтишвили Л.А.* Непрямое говорение. М., 2006.

¹⁴ Апофатизм (от греч. *αποφατικός* – отрицательный) – учение о том, что высшая Реальность в своей последней глубине непостижима и неопределима средствами человеческого языка и понятий.

¹⁵ *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение. М., 1995.

¹⁶ Понимать общество как реальный объект – значит, реифицировать общество (Reify [ˈriːfaɪ] – представлять как нечто материальное, овеществлять).

обитания, что человек как физическое существо может ощущать окружающий мир бессознательно, как нечто, что на него причинно воздействует. Такой опыт отношения с внешним окружением не рефлексивен. То есть человек как ментальное существо не обязательно отвечает на воздействия сознательной, рефлексивной реакцией. С точки зрения Н. Уайтхеда, событие опыта, – это скорее, органическое единство чувств¹⁷. Такой взгляд противоположен точке зрения Д. Юма, который утверждает, человеческий опыт дискретен. Внутреннее единство человеческого опыта, органическая слитность Я и Мы, порождающие коммуникацию-интенцию, проявляет себя в традиции. А именно, обнаруживается в принадлежности к семье, к роду, к народу, к когорте единомышленников и т. п. Такое чувство не всегда может быть понято из наглядного опыта. Если, скажем, «благородство», хотя и с трудом, но может быть идентифицировано по каким – то чертам, то как можно измерить «голос крови», «дух семьи», «силу таланта»? Или, скажем, каким образом достигается органическая слитность традиции русской литературы в то время, как в ее развитии имеются «мертвые полосы», отсутствуют прямые контакты с предшественниками? Об этом рассуждает И. Р. Шифаревич, увидевший причину непрерывности линии развития русской литературы в существовании надындивидуальных корней и истоков. А именно с мудростью народа, воспитанного в его истории, с мудростью живой жизни. Литература, по мысли автора, «играет роль питающих сосудов, которыми мы соединяемся со своими корнями»¹⁸. Внутренняя организация коммуникации – интенции на уровне традиции, видимо такова, что за следствиями стоят незримые причины, за отдельными фактами и их проявлениями – скрытые смыслы, которые рождены прагматическим контекстом, вытекают из наличия бесконечно сложных избыточных структур, предполагают запас лингвистической и экстралингвистической информации.

Итак, произвольная коммуникация – это неосознаваемые и неосознанные связи между Я и Иным. Эти связи порождаются из наглядного опыта произвольно – неререфлексивно, без специ-

¹⁷ К точке зрения Уайтхеда в своей работе присоединяется Мамфорд. См.: Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001.

¹⁸ Шифаревич И. Р. Выступление [на вечере, посвящ. 70-летию А. И. Солженицына] // Шифаревич И. Р. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 424.

ально организованной цели. Наше мышление часто следует за тем, что мы слышим и видим здесь и теперь, основано на повторении и простом воспроизводстве. Такое сознание до – логично. Но оно вполне адекватно тому прагматическому контексту, которое его рождает. Дологический тип сознания, будучи принципиально иным, нежели мыслительные акты, построенные на разуме, в тоже время вполне сочетается с ним. По отношению к своему внутреннему «Я» дологическое, нерефлексивное сознание сродни отключенности ума: не связано ни со склонностью ума к самооценке, ни с умением переживать собственные субъективные состояния. Признание, что мыслительные действия человека бывают построены и на дологическом сознании, вовсе не указывает само по себе ни на широту/узость умственного кругозора, ни на наличие/отсутствие глубоких духовных интересов и т. п. Дологическое мышление присуще человеку природно. И, думается, нет ничего уничижительного для характеристики современного разумного человека, что ряд его действий, в особенности в практической сфере, носят произвольный, нерефлексивный характер, основаны на до – логическом мышлении. В каждом из нас просыпается первобытный человек, мышление которого построено на законе сопряжения, на произвольной коммуникации.